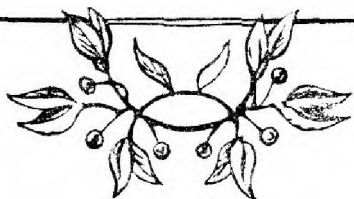

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

•
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

A small decorative flourish consisting of two symmetrical, pointed shapes meeting at a central point.

A decorative flourish consisting of a central, stylized, wing-like or scroll-like shape.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

М. Е. Салтыков-Щедрин

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

НАРОДНЫЙ ЯЗЫК — ОСНОВА ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРНОГО¹

...Мне отраднo и весело шататься по городским улицам, особенно в базарный день, когда они кипят народом... Мне мил этот общий говор толпы; он ласкает мой слух пуще лучшей итальянской арии, несмотря на то, что в нем нередко звучат самые странные, самые фальшивые ноты. Взгляните на эти загорелые лица: они дышат умом и сметкою и, вместе с тем, каким-то неподдельным простодушием.

1856. *Губернские очерки. Соч., т. II, стр. 36.**

Немолчно раздается говор и шум толпы <...> Вот доносится до вас замысловато-крепкое словцо, но доносится как-то не оскорбительно, а скорее добродушно, так что вам остается только развести руки и подумать про себя: «ведь вот что выдумал человек! даже правдоподобия никакого нет... а ладно!» Рядом с этим крепким словцом слышится действительно добродушный и душевный смех, и раздается острота, но такая меткая и хорошая, что лицо ваше проясняется окончательно, и вы невольно, всем сердцем, всем существом приобщаетесь к этой внутренней, для равнодушного зрителя навсегда остающейся неразгаданною жизни народа, сила которой почти насильственно заденет все лучшие, свежие струны сердца, наполнит душу неведомыми, неизвестно откуда берущимися рыданиями и хлынет из глаз целым потоком слез... Где источник этих слез?.. Не берусь решить этот вопрос, но знаю, что в слезах ваших будет и своя доля отрады, как в том достолюбезном народном говоре, в котором, среди диссонансов, слышится иногда такой ясный, поразительно цельный звук, что из сознания вашего мигом изгоняется всякое сомнение в возможности будущей гармонии.

1862. *Тихое пристанище. 2 Соч., т. IV, стр. 298.*

* Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений под редакцией В. Я. Кирпотина, П. И. Лебедева-Полянского, П. Н. Лепешинского, Н. Л. Мещерякова, М. М. Эссен. ГИХЛ, М., 1937. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию.

То, что отстраняет от новой литературы наших мистиков сороковых годов, то именно и дает ей право на живучесть и силу. Это — новые типы, которые она пробует выводить, это — новое дело, о котором она говорит, это — новый язык, с которым она нас знакомит. Все, что проходило перед нами в тумане, весь этот люд, который представлялся нам не иначе, как в качестве декорации, и мимо которого мы проходили без всякой мысли, — все это встает перед нами живое и своеобразное, все это, несмотря на грубость форм, предъявляет свое несомненное право на признание в нем человеческого образа, а в этом качестве — и на самую жизнь <...>

...подлинный источник, из которого должна истечь струя нового, живого русского слова <...> — русский крестьянский мир...

1868. *Напрасные опасения*. Соч., т. VIII, стр. 55, 58, 66.

...Единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная, ибо ее только и можно назвать общественной в истинном и действительном значении этого слова. Чем далее проникает сатирик в глубины этой жизни, тем весче становится его слово, тем яснее рисуется его задача, тем неоспоримее выступает наружу значение его деятельности. Дело будет слышаться в его речи, то кровное человеческое дело, которое, затрагивая самые живые струны человеческого существа, нередко возвышает до героизма даже весьма обыкновенного человека.

1868. *Рецензия на сборник «В сумерках». Сатиры и песни Д. Д. Минаева.*³ СПб., 1868. Соч., т. VIII, стр. 297.

Представлению об отечестве соответствует представление о нравах и обычаях, об играх, песнях и плясках, о приметах и суевериях, о пословицах, поговорках, притчах и сказках, и, наконец, о <...> неклеяменом, но несомненно ходячем словаре...⁴

1879. *Убежище Монрепо*. Соч., т. XIII, стр. 152.

ВОПРОСЫ ФОРМЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Мысль и творчество отнюдь не враждебные друг другу: мысль есть главный и неизбежный фактор всех человеческих действий; творчество же есть воплощение мысли в живых образах или в ясном логическом изложении.

1869. *Рецензия на «Недоразумение», повесть Данкевича*. СПб., 1869. Соч., т. VIII, стр. 384.

Художественная правда должна говорить сама за себя, а не с помощью комментариев и толкований...

1871. *Первая русская передвижная художественная выставка*. Соч., т. VIII, стр. 279.

Без ясно сознанной идеи художественное произведение является сбродом случайностей, в котором даже искусно начер-

танные образы теряют значительную долю своей цены, потому что не существует органической связи, которая объясняла бы их участие в общей экономии художественного произведения.

1871. Рецензия на «Снопы» Я. П. Полонского.⁵
Соч., т. VIII, стр. 424.

Благородные мысли, благородные чувства <...> нередко представляются незрелыми и даже смешными; но это происходит оттого, что по временам они облачаются в нелепую и напыщенную форму, которая, до известной степени, заслоняет их сущность. В большинстве случаев к напыщенности прибегают люди, совсем непричастные высоким мыслям и чувствам, а именно: шпионы, кровосмесители, казнокрады и другие злокачественные вередь общественного организма. Не имея ничего за душой, кроме праха, они вынуждаются маскировать этот прах громкими фразами <...> И те, и другие, и третьи отыскивают отборнейшие выражения и стараются округлять периоды. Но истинно возвышенное чувство никаких этих округлений не знает и выражается просто, трезво, без вычур.

1882. Письма к тетеньке. Соч., т. XIV, стр. 478.

Благородная мысль формирует себя без утайки, во всей своей полноте; поэтому-то она легко находит и ясное для себя выражение. И синтаксис, и грамматика, и знаки препинания — весь арсенал грамотности охотно ей повинуются. Вопросительный знак не смеет выскочить там, где слышится утверждение; слова вроде «искоренить», «истребить» — не смеют затесаться там, где не может быть речи ни об искоренении, ни об истреблении. Ясная для самого произносящего речь является вразумительною и для слушателей. Она убеждает умы, зажигает сердца.

Напротив того, мысль, увидевшая свет в атмосфере съезжего дома, прежде всего ищет скрыть свое происхождение <...> Чтоб примирить с собою наивных, она замечает следы, прибегает к несвойственным выражениям и бросается в околенную. Но, стараясь выказать себя благородною, она не знает, в чем состоит благородство, и потому на каждом шагу запутывается. И в то же время не смеет формулировать действительные свои побуждения, ибо сама трусит перед их сермяжным поскудством. Понятно, что и грамматика, и знаки препинания пользуются этим внутренним междоусобием, чтоб объявить себя воюющею стороною.

Там же,⁶ стр. 486.

ОБ «ЭЗОПОВОМ» ЯЗЫКЕ⁷

Да, замечательное было это время. То было время, когда слово служило не естественною формой для выражения человеческой мысли, а как бы покровом, сквозь который неполно и словно намеками светились очертания этой мысли; и чем хитрее,

чем запутаннее сплетен был этот покров, тем скорбнее, тем нетерпеливее трепетала под ним полная мощи мысль и тем горячее отдавалось ее эхо в молодых душах читателей и слушателей! То было время, когда мысль должна была оговариваться и лукавить, когда она тысячу раз вынуждена была окунуться в помойных ямах житейского базара, чтобы выстрадать себе право хотя однажды, хотя на мгновение засиять над миром лучом надежды, лучом грядущего обновления! И чем тяжелее был гнет действительности, тем сильнее крепла в сердцах бодрых служителей истины вера в будущее, вера в человечность!

1861. Сатиры в прозе. «Литераторы-обыватели». 8
Соч., т. III, стр. 210.

Мы все еще помним то время, когда мысль находилась под гнетом столь несомненных ограничений, что читателю потребно было не мало усилий и изворотливости, чтобы победить ту темноту и запутанность выражения, на которую осуждено было слово. Это было, конечно, не поощрительно, но, по крайней мере, писатель того времени знал, что у него есть публика, которая ищет его понять, знал, что нет в России того захолустья, в котором бы не бились молодые сердца, не пламенела молодая мысль под впечатлением высказанного им слова.

1868. Признаки времени. «Литературное положение». 8
Соч., т. VII, стр. 78.

Куда исчезли таланты? — спрашивают уцелевшие там и сям ревнители литературы. — Приведены к одному знаменателю. — Куда девалась бодрая и смелая русская мысль? — Приведена к одному знаменателю. — Куда скрылось живое, образное русское слово? — Приведено к одному знаменателю! И что это за прелестное, для всех одинаково ясное выражение. С какою простотою оно устраняет все возражения, разъясняет все сомнения!

Там же, стр. 85.

Привычке писать иносказательно я обязан дореформенному цензурному ведомству. Оно до такой степени терзало русскую литературу, как будто поклялось стереть ее с лица земли. Но литература упорствовала в желании жить и потому прибегала к обманным средствам. Она и сама преисполнилась рабским духом и заразила тем же духом читателей. С одной стороны, появились аллегории, с другой — искусство понимать эти аллегории, искусство читать между строками. Создалась особенная, рабская манера писать, которая может быть названа Езоповскою, — манера, обнаруживавшая замечательную изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок, иносказаний и прочих обманных средств.

1875. Недоконченные беседы. Соч., т. XV, стр. 340—341.

...ежели в писаниях моих и обретається что-либо неясное, то никак уж не мысль, а разве только манера. Но и на это я могу сказать в свое оправдание следующее: моя манера писать есть манера рабья. Она состоит в том, что писатель берясь за перо, не столько озабочен предметом предстоящей работы, сколько обдумыванием способов проведения его в среду читателей.

1879. *Круглый год. Соч., т. XIII, стр. 267.*

Мне могут возразить здесь: а иносказательный рабий язык? а умение говорить между строками? — Да, отвечу я, действительно, обе эти характерные особенности выработались во время пребывания литературы в плену, и обе несомненно свидетельствуют о ее попытках прорваться сквозь неприятельскую цепь. Но ведь, как ни говори, а рабий язык все-таки рабий язык и ничего больше.

1882. *Письма к тетеньке. Соч., т. XIV, стр. 456.*

В прессе, рядом с «рабьим языком», родился язык холопский, претендовавший на смелость, но, в сущности, представлявший смесь наглости, лести и лжи.

1887. *Мелочи жизни. Соч., т. XVI, стр. 702.*

О ЛИЦЕМЕРНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ, МАСКИРУЮЩЕЙ РЕАКЦИОННЫЕ МЫСЛИ⁹

Во-первых, я должен с прискорбием сознаться, что сжатость, которою преимущественно щеголяли наши предки, утрачена нами безвозвратно. Увы! мы уже не говорим больше: «цыц, собака!» Мы уже находим, что эти первобытные формы не соответствуют современному состоянию цивилизации, и что никакая речь не может быть, в строгом смысле, названа человеческою, если она не обставлена приличными делу обстоятельствами и не заключает в себе силлогизма. Поэтому мы стараемся выразить мысль свою не прямо, а как-нибудь стороною; даем, например, почувствовать, что «на свете становые существуют», что «если они существуют, то надо полагать, что есть какая-нибудь цель этого существования»... Или, например, по поводу искреннего желания содрать кожу с нашего ближнего, мы отнюдь не выскажем прямо, очень бы, дескать, приятно и, так сказать, пользительно, но прежде углубимся в девственные леса Америки, поднимем завесу, скрывающую от нас древний Рим, «с истинным прискорбием» найдем, что везде и всегда обдирание ближнего считалось чуть-ли не доблестью, и только тогда уже, когда достаточно забросаем слушателя грязью наших исторических и статистических изысканий, осторожноенько заключим, что если везде были люди, везде человеки, что если древний Рим, покоривший пол-вселенной, то почему же бы и нам и т. д.

1860. *Сатиры в прозе. «Скрежет зубовой». Соч., т. III, стр. 123.*

Да, и у нас оно выросло, это пресловутое древо красноречия, которым до сих пор мы любовались лишь издали, и у нас, под прохладной тенью его, уже многие приобрели для себя мир душевный и невозмутимость сердечную <...> Почва, в которой лежат его корни, болотиста и злокачественна; ствол его жидок и тонок, но верхушка объемиста, и если не густа, то космата; листья бледны и бессочны, но снабжены комочками, которые если не наносят положительного вреда, то производят в субъекте, к ним прикасающемся, чесотку и волдыри. Вообще, это дитя хилое, болезненное, слабосильное и, несмотря на свои колючки, весьма безобидное. При малейшем дуновении ветра оно всей своей растрепанной массой приклоняется к земле и рабски-болезненно при этом стонет...

1860. Сатиры в прозе. «Скрежет зубовой». Соч., т. III, стр. 120—121.

...вы можете сами легко сделать заключение о том, что составляет содержание нашего красноречия. Это, во-первых, старание не войти в слишком явное противоречие с грамматикой и синтаксисом, во-вторых, желание убедить всех и каждого, что ничто человеческое нам не чуждо, и, в-третьих, стремление, хоть как-нибудь, хоть боком приобщиться к общему, современному направлению идей. Словом, чтоб определить характер нашего витийства одним термином, можно назвать его размазисто-стыдливо-пустопорожним.

Там же, стр. 130.

В публичных местах нет отбоя от либералов различных шерстей, и только слишком чуткое и привычное ухо за шумихой пустозвонных фраз может заметить старинную заскорузлость воззрений и какое-то лукавое, чуть сдерживаемое приурочивание вопросов общих, исторических к пошленьким интересам скотного двора своей собственной жизни <...>

Он <либеральничающий помещик-реакционер — *Ред.*> уж понахватался кой-чего, он уж развратил свою мысль десятком-двумя забористого свойства словечек, он уже покрылся известного рода слизью, по милости которой схватить его без перчаток дело весьма затруднительное и щекотливое.

Нет, вы поразмыслите хорошенько да подивитесь природе-матери, которая допускает, что в одной и той же голове помещаются рядом такие понятия, как *selfgovérnment** и *la libre initiative des poméschiks! ***

1862. Сатиры в прозе. «К читателю». Соч., т. III, стр. 38. 42.

* Самоуправление.

** Свободная инициатива помещиков (франц.).

«Современник» бывает тощ и беден, когда небо стоит грозное, когда в делах и предприятиях царствует застой, а вопросы и вопросы прячутся в самую глубь общества, словно боятся, чтобы не окатило их холодным ливнем. В такое неблагоприятное время светлые литературные ручки возмущаются, и на поверхности их появляется неизвестно откуда берущаяся негодная пакость; в такое время пад словесною нивою реют жадные стада литературного воронья и строго блюдут за чистотой русской мысли и языка; темные духи когда-то осмеянные и опозоренные... вновь заявляют о своей живучести, вновь выползают из темниц, и, появившись на свет божий, припоминают старые счета; забытые кучи заваливавшегосяхлама пачинают двигаться и вопиять о поруганных правах своих...

1863. Пана общественная жизнь. Соч., т. VI, стр. 500.

Глупцов пугают страшные слова. «Ломать», «разрушать», «уничтожать» — одних этих слов достаточно, чтобы заставить любого глупца полезть на стену. Он не спрашивает ни того, что предполагается ломать, ни того, можно ли создать новое, не разрушивши старого <...> А между тем «ломать» — значит только ломать, и ничего больше. Вредный или полезный смысл этого слова совершенно зависит от того, на какой предмет простирается его действие <...> Так умеете же, наконец, обобщать, о люди, боящиеся страшных слов!

1871. «Итоги», вторая редакция. Соч., т. VII, стр. 482—483.

Пенкосниматель выражается не особенно ясно, но всегда с таким расчетом, чтобы загадочность его была истолкована в либеральном смысле <...>. Конечно, он все-таки ничего не смыслит ни в действительной свободе, ни в действительной гласности, но так как он произносит свои афоризмы совершенно так, как бы находился в здравом уме и твердой памяти, то со стороны может казаться, что он, пожалуй, что-нибудь и смыслит. И таким образом, в результате оказывается бесконечный обман, имеющий подкладкой одно самоуверенное нахальство <...>. И вся эта обнаженная канитель тянется с такою солидностью, что делается жутко за человеческую мысль <...>. Способность говорить солидно и уверенно самые неизреченные пошлости есть именно та драгоценная способность, которою в совершенстве обладает всякий пенкосниматель.

1872. Дневник провинциала в Петербурге. Соч., т. X, стр. 433—434.

...Я знаю, например, что независимо от клейменных русских словарей в нашей жизни выработался свой собственный подоплечный словарь, имеющий очень мало сходства с клейменым. И представь себе, Разуваев, что когда речь идет о выражениях еще не утвердившихся, новоявленных, каковы, например:

интеллигенция, культура, дирижирующие классы и проч., то я положительно предпочитаю последний первым. Я инстинктивно чувствую, что клейменные словари фаталистически обречены на повторение задов. Их мирозерцание — мое мирозерцание; условности, которые связывают их, суть те же, которые связывают и меня; словом сказать, словари эти несомненно сочинены самим мной, еще в ту пору, когда я как сыр в масле катался.* Так что, если б я руководствовался только ими, то положительно все сомнительное и неясное так навсегда и осталось бы для меня сомнительным и неясным. Но, к счастью, рядом с клейменными словарями существует толковый интимно-обывательский словарь, который провидит и отлично объясняет смысл даже таких выражений, перед которыми клейменный словарь стоит, уставясь лбом в стену. Вот к этому-то неизданному, но превосходнейшему словарю я всегда и обращаюсь, когда мне нужно вложить персты в языы.

Возьмем хоть бы данный случай. Везде кругом говорят: грядут кабатчики, менялы, железнодорожники и прочие мироедских дел мастера. Желая объяснить себе это явление, я прежде всего обращаюсь к обывательским наблюдательным реестрам и вижу, что вы значитесь в них тако:

Разуваев, Анатолий, бывший халуй (понимаю). Занимается кабаками, а ныне, сверх того, и *интеллигенцией* (не понимаю).

Губошлепов, Иона, бывший целовальник (понимаю). Занимается поставкой для армии и флотов гнилых сухарей (еще бы не понимать!), а ныне, сверх того, *дирижирующий класс* (не понимаю) и т. д., и т. д.

Очень возможно, что для публицистов, подчасков и прочих экспертов науки подчеркнутые мною определения вполне ясны, но для меня — человека только потревоженного наукой — нет. Поэтому я, по старой привычке, беру сначала клейменный словарь и спешу справиться в нем: что сей сон значит? Но — увы! — никаких утешений в нем не обретаю, кроме того, что интеллигенция есть интеллигенция, а правящий класс есть тот, который правит. Тогда я припоминаю, что у нас есть еще неизданный интимно-обывательский толковый словарь, мысленно развертываю его и читаю следующее:

Интеллигенция, или кровопивство...

Правящий класс, или шайка людей, втихомолку от начальства обьегоривающая...

Дальше я уже не читаю: с меня довольно. Искомая язва глядит мне прямо в глаза, зияющая, обнаженная, вполне достоверная. Нет нужды, что прочитанные определения противоречат бессознательной номенклатуре, усвоенной мною с пеленок: то, что открылось перед мной, так прозрачно-ясно, что я забываю

* В «Убежище Монрепо» авторское «я» — разоренный реформой помещик.

все педенки, заподозреваю все клейменные словари и верю только ему одному, нашему единственно правдивому и единственно прозорливому подоплечному толковому русскому словарю!

1879. *Убежище Монрепо. Соч., т. XIII, стр. 148—149.*

Не успели простодушные люди наахаться вволю, как «хорошее слово», перейдя через множество предательских уст и согласованное с целой массой хищнических appetitов, уж истрепалось, выпачкалось и провоняло. Так что, слушая современные уличные толки по поводу этого слова, не без испуга спрашиваешь себя: куда же девался первоначальный его смысл?

1881. *Письма к тетеньке. Соч., т. XIV, стр. 377.*

Я так давно живу на свете, так много видел, и главное, так много помню, что помимо убеждений рассудка, один жизненный опыт заставляет меня относиться к газетным известиям с осторожностью. Я помню, что когда впервые появилось слово «хищение» и в газетах раздались по его поводу стенания, то меня озадачило стремление публицистов щегольнуть перед читателем новою новинкою. Совсем тут никакой новинки не было. Хищение, сиречь высасывание выморочных соков, известно было издревле и издревле же значилось во всех азбуках под всевозможными рубриками <...> В древности слова «хищение» не было, но зато было слово «лафа», и вся дореформенная Русь отлично понимала, что слово это означает именно высасывание выморочных соков. Но так как конструкция этого слова слишком отзывалась провинциализмом и татарщиной, то понятно, что с поднятием уровня образованности почувствовалась потребность и в поднятии уровня терминологии. Отсюда — замена слова: «лафа» — словом: «хищничество».

1884. *Пестрые письма. Письмо пятое. Соч., т. XVI, стр. 327—328.*

О ЯЗЫКЕ КНИГ ДЛЯ НАРОДА

Чтобы понять, что именно нужно народу, чего ему недостает, необходимо поставить себя на его точку зрения, а для этого не требуется ни нагибаться, ни кокетничать.

1868. *Письма о провинции. Письмо шестое. Соч., т. VII, стр. 264.*

Уже одно то, что коренное условие мужицкой жизни составляет вечный, никогда не прерывающийся труд, достаточно указывает на совершенно серьезный ее характер и на положительную невозможность относиться к ней с умилениями и приседаниями.

1864. *Наша общественная жизнь. Соч., т. VI, стр. 273.*

...мы <...> думаем о том, в какой гнев должен был войти г. Майков, встретив ужасный стих

Гетер вниманьем не даря...

Ведь это все равно, что встретить в стихе словечко, вроде «тово», «таперича», «тововопокаконо»...

Даже русские сказки — и те могут произвести раздражение пленной мысли. Для этого следует только вспомнить нечто из слышанных в детстве сказок и изукрасить слышанное некоторыми внешними принадлежностями псевдо-народной поэзии: ряби-нушку назвать рябибинушкой, почаще употреблять вводные словечки «что уж», «а н», «уж н» и т. д.

1863. Рецензия на «Стихи» Вс. Крестовского.
Соч., т. V, стр. 278—281.

Брошюрка эта <«О русской правде и польской кривде» — *Ред.*> представляет собой одну из бесчисленных, но до сих пор очень редко удававшихся попыток подделаться под русский народный толк и объясняться с народом языком ему доступным. Фактурой своей она напоминает псевдо-народные, несколько ухарские рассказы г. Андрея Печерского¹⁰, в которых всегда низано множество народных слов и оборотов речи, но собственно народного все-таки нет ничего. Видимое дело, что автор брошюры человек бывалый, обращался с народом, знаком с его пословицами и прибаутками, но народной мысли, но кровной народной нужде все-таки остался чужд. А потому в книжке его прежде всего неприятно поражает фальшивый тон и желание автора во чтобы то ни стало принизить себя до народного понимания; речь несвободна и сплошь испещрена всякого рода присловьями и стереотипными выражениями, для более или менее ловкого подбора которых не требуется даже знакомства с народом, а достаточно заглядывать почаще в труды г.г. Снегирева, Буслаева и Даля. Именно то обстоятельство, что автор, очевидно, приискивал какую-то особенную мамеру, чтоб разговаривать с народом, уже изобличает в нем человека, худо понимающего ту личность, к которой он обращается. Он видит в народе или низшую породу людей или какое-то полудурье и, руководствуясь этим взглядом, измышляет для него низшего сорта мысли и форменно-простонародные речи. А между тем, это совсем не так: народ и не дурак, и не низшая порода; он страдает только недостатком знаний, а давайте ему знаний, только знаний, а не прикидывайтесь простяками, не обращайтесь к нему с речью и мыслями, с которыми вам было бы совестно обратиться к лицу, стоящему в общественной иерархии на одной ступени с вами <...> Чтобы говорить с народом, надобно прежде всего отречься от всяких преувеличений и быть строгим к самому себе; надо спросить себя: достаточно ли обуздана моя мысль для такого дела? Ничто так не противно народу, как мешанье

дела с бездельем и переливание из пустого в порожнее. Он сам никогда не бездельничает, а потому требует и от тех, которые к нему обращаются, чтоб они высказывали ему свое дело прямо и кратко, без подмеси пустых и паносных речей. Людей, которые сами не сознают своей мысли, а говорят, что им на ум взбредет или с чужого шопота, называют в народе пустыми мельницами, и на все их речи только машут руками. Поэтому, даже и для того, чтоб пустить в народ даже не совсем чуждую ему мысль, нужна крайняя осторожность; нужно прежде всего соблюсти чувство меры, а не потчевать по пословице: чем богат, тем и рад, и не выбрасывать зараз весь запас своего скудненького мирозерцания, по пословице: что есть в печи, то и на стол мечи. Таким образом, можно напотчеваться и на свою голову, ибо на такое потчевание народ тоже может ответить пословицей: Еремея потчуют умея, за ворот да в три шеи.

Мы очень хорошо понимаем, что недостаток талантливых людей, которые могли бы просто и вразумительно говорить с народом, есть недостаток весьма печальный. В особенности, должен он быть ощутителен для правительства <...> На каждом шагу оно осаждается людьми усердными и, повидимому, доброхотными, которые тем не менее, по ограниченности своих мыслительных способностей, предлагают вместо знания народности, какую-то бывалость и прожженность, вместо знания народной речи, пошлое балагурство, а вместо справедливости, изуверство. После того, какая ужасная ложь может вылиться из этого усердия. А между тем, такая ложь сплошь и рядом выдается за истину, и находятся наивные люди, которые верят ей и в простоте сердца воображают, что самое лучшее средство беспечно прожить жизнь заключается в том, чтобы систематически держать народ в неведении и систематически же возбуждать в нем какие-то темные силы, влиянию которых и без того слишком легко поддается человек, лишенный действительного знания.

1863. Рецензия на брошюру «О русской правде и польской кривде». ¹¹ Соч., т. V, стр. 343—345.

О ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДА

Перевод из рук вон плох: видно, что переводчик не имеет никакого понятия ни о географии, ни о французском языке. Нант он называет Нантесом... На каждом шагу встречаются выражения, подобные следующим: «вы возвратили супруга его милой половине»... или «дверь с большой стуколкой» (т. е. с молотком). Но всего любопытнее следующая фраза: «Вольмар представлял студента-кокета, что называли в университете — Алуттом». Что бы это такое значило?

1847. Рецензия на книгу «География в эстампах с повестями и картинками по предметам географии». Соч., т. I, стр. 337.

...нет более просветляющего, очищающего душу чувства, как то, которое ощущает человек при знакомстве с великим художественным произведением <...> Но для того, чтобы изучение Гомера могло принести юноше ожидаемый результат, нужно читать Гомера не в переделке, не в приноровленном к известной цели переводе, а в самом подлиннике или в переводе подстрочном, в котором тщательно были бы сохранены все особенности, весь характер поэмы... Покойный Гнедич... своим превосходным переводом «Илиады» осязательно доказал всю несообразность мнения о приноравливании классических творений старины к понятиям известной страны и эпохи. Всякое произведение духа неотъемлемо носит на себе печать своей страны и своего времени <...>

Все, что мы до сих пор сказали о пользе изучения Гомера, относится собственно только до юношества. Что же касается детей <...> для них чтение Гомера в подстрочном переводе невозможно; во-первых, надобно было бы некоторые места поэмы выпускать по несоответственности их содержания с детским возрастом; во-вторых, ни «Илиада», ни «Одиссея» решительно недоступны в целом для понятий ребенка... Составители подобного рода сочинений, чувствуя свое затруднительное положение, всегда бывают принуждены выпускать из рассказа то, что собственно составляет силу и характер поэмы, и что, между тем, действительно, по некоторым обстоятельствам, не пригодно для детей. Результатом всех этих обшипываний великого произведения остается только бездушный остов, одна сказка, а то, что было за этой сказкой, исчезает невозвратно <...>

...зачем передавать Гомера, когда знаешь наверное, что нельзя сохранить при этом характера поэмы? Нет, видно, форма великое дело! Богини, у Беккера <...> на подобие уездных кумушек, выражаются следующим образом: «Не окажешь ли ты мне услугу, моя дочурочка», или «одолжи мне твой волшебный пояс». Это, изволите видеть, разговаривает Гера с Афродитой. Смертные выражаются еще чище: «Фи! кто, право, бесит меня за себя и за всех нас!» — говорит Эвримах, один из женихов Пенелопы, а сама Пенелопа следующим высоко светским тоном обращается к старой Эвриклее, принесшей ей весть о возвращении Улисса: «Душенька, ты не шутишь? Душенька, скажи правду» и т. д.... Из приведенных нами отрывков читатель ясно видит, что переделка Беккера ни в каком случае не познакомит детей с Гомером <...>

Перевод сделан довольно небрежно, и видно, что г. Экерт не совсем хорошо владеет русским языком. Встречаются, например, такие выражения: «он будет вынесен нагим трупом из своего дома» («Одиссея», стр. 21) вместо: «труп его будет вынесен нагим, или нагой», и т. д.; или: «на зверской трапезе он опорожнил бадью молока»... или: «другая его повадка»... или: «я не могу

засчитать тебе те работы»... «я знал, что ты не гораздо накажешь меня»... и таких странных промахов бездна; в одном месте даже какой-то герой «Илиады» *подсигивает* другого героя...

1848. Рецензия на «Рассказы детям из древнего мира Карла Ф. Беккера». Соч., т. I, стр. 353—362.

О СВЕТСКОМ ЖАРГОНЕ

Страсть к французским фразам составляет общий недуг круготорских дам и девиц. Соберутся девицы, и первое у них условие: «Ну, mesdames, с нынешнего дня мы ни слова не будем говорить по-русски». Но оказывается, что на иностранных языках им известны только две фразы: *permettez — moi de sortir* * и *allez — vous en!* **. Очевидно, что всех понятий, как бы они ни были ограничены, этими двумя фразами никак не выразишь, и бедные девицы вновь осуждены прибегнуть к этому дубовому русскому языку, на котором не выразишь никакого тонкого чувства.

1856. Губернские очерки. Соч., т. II, стр. 36.

* Позвольте мне выйти.

** Убирайтесь вон!

1. Основной литературного языка Салтыков считал народную речь, общенародный русский язык. Он сам чутко прислушивался к живой речи русского народа и вводил ее в свои художественные произведения. Писатель высмеивал составителей псевдонародных книжек, которые «сюсюкают и приседают», выдают за народный язык неправильные обороты речи, испорченные и областные слова.

С негодованием отмечал он способность реакционных писателей «испоганить» чудесное, живое русское слово, покрыть его «слизью», превратить его в орудие грязных целей.

Считая, что «литература и пропаганда — одно и то же», Салтыков всегда говорил об огромном воспитательном значении литературы. Резко обрушивался он на «мотыльковую», «чижиковую» поэзию представителей «чистого искусства», уводящих литературу от насущных задач действительности, от жизни народа в «высоты надзвездные».

2. Повесть «Тихое пристанище» осталась незаконченной и при жизни Салтыкова не печаталась. Писатель работал над этой повестью в 1862 г. По письмам его видно, что в 1865 г. он снова вернулся к этой работе. Впервые повесть была опубликована только в 1910 г. в «Вестнике Европы», №№ 3 и 4.

3. Д. Д. Минаев (1835—1889) — поэт, активный сотрудник сатирического журнала «Искра», близкого по идейным позициям к «Современнику».

4. «Клейменным словарем» (т. е. признанным официально) Салтыков называет обычный для либеральной и консервативной публицистики различных оттенков набор красивых слов, маскирующих гнусный смысл обозначаемых ими понятий. Этому «клеяменному» словарю Салтыков противопоставляет «неклеяменный», «подоплечный», демократический словарь, задача которого — вскрыть истинную суть, подоплеку «клеяменного» словаря.

5. Я. П. Полонский (1820—1898) — поэт. Разбору его сочинений Салтыков посвятил несколько рецензий. Он называл Полонского писателем «второстепенным и несамостоятельным», эклектиком, который «берет дань со всех литературных школ, не увлекаясь их действительно характеристическими сторонами, а ограничиваясь сферами средними, в которых всякое направление утрачивает свои резкие особенности». (Соч., т. VIII, стр. 373.)

6. Благородные мысли писателей революционно-демократического лагеря Салтыков противопоставляет здесь «паскудным» мыслям реакционеров.

7. Салтыкову пришлось жить и творить во времена злейшей реакции и цензурного террора. Подобно другим революционным демократам (Чернышевскому, Добролюбову, Некрасову), ему приходилось маскировать свои мысли и доносить их до читателя, прикрывая их «хитрым покровом» аллегорий. С глубокой горечью писал о себе великий сатирик: «Ах, это писательское ремесло! Это не только мука, но целый душевный ад. Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок. Чего со мною ни делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и цетиком запрещали, и всенародно объявляли, что я — вредный, вредный, вредный». («Мелочи жизни», введение.)

Сатирику приходилось говорить с читателем эзоповым, то есть иносказательным языком, который он называл «рабским». Читатель того времени был воспитан на чтении «между строк» и хорошо понимал язык намеков, иносказаний и многозначительных умолчаний.

8. Очерк «Литераторы-обыватели», вошедший в «Сатиры в прозе», раскрывает истинную суть либеральной «обличительной» литературы, направлявшей свой удар против отдельных частных недостатков, а не против самых существенных зол общественной жизни — устоев самодержавно-бюрократического государства.

9. Салтыков постоянно разоблачал истинный смысл «идеалов» реакционеров и либералов. В ряде произведений сатирик показал, что «патриотизм» господствующих классов означает лишь желание урвать кусок побольше от общественного «пирога» и переводится девизом «жрррат!»; охрана «священного» права собственности выражает намерение отнять у «ближнего» «целковый»; либеральное стремление к «постепенному прогрессу» является действием «применительно к подлости», в результате которого от «идеалов» одна «мразь» остается.

Острым оружием сатиры Салтыкова в этой борьбе было раскрытие истинного смысла либеральной и консервативной фразеологии, прикрывавшей красивыми словами гнусную сущность «идеалов». В этом разделе собран ряд высказываний сатирика на эту тему.

10. Андрей Печерский — псевдоним писателя-этнографа П. И. Мельникова (1819—1863). Псевдонародным языком в особенности отличаются его ранние рассказы: «Дедушка Поликарп», «Старые годы», «Медвежий угол».

11. Подиное название брошюры: «О русской правде и польской кривде. Писано ко всем православным христианам из царствующего града Москвы, в лето от сотворения мира 7371, от рождества же бога слова 1863, июля в 15 день, на память святого равноапостольнаго князя Владимира, в святом граде Киеве народ русский святым крещением просветившего. Москва, 1863».

Автор брошюры не установлен. Резкая рецензия Салтыкова на эту брошюру была запрещена цензурой и при жизни сатирика не печаталась. Впервые опубликована в советское время.

Рецензия совпадает по содержанию и основным мыслям с рецензией Салтыкова на подобную же псевдонародную брошюру кн. В. В. Львова (1804—1856) «Сказание о том, что есть, и что была Россия, кто в ней царствовал, и что она происходила». Спб., 1863. В этой рецензии Салтыков писал: «Уже одно то, что все эти «сочинители» приписывают какую-то особенную манеру, чтоб разговаривать с народом, что они, нисколько не церемонясь, говорят своим читателям: «посмотрите, как я искусно притворяюсь!» — изобличает в них людей, худо понимающих ту личность, к которой они обращаются, и притом совсем не таких глубоких хитрецов, какими они себя почитают».